

Научная статья
УДК 34.023
DOI: 10.17323/tis.2025.27967

Original article

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИЙ РИМСКОГО ПРАВА LEGAL PERSONHOOD OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE LIGHT OF THE CONCEPTS OF ROMAN LAW

Александр Игоревич РЫБИН

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия,
al.rybin1@mail.ru,
ORCID: 0009-0007-4735-9087

Информация об авторе

А.И. Рыбин — аспирант департамента теории права и сравнительного правоведения факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Аннотация. Анализируется проблема правосубъектности искусственного интеллекта в свете ее отражения в правовом поле. Применяя формально-юридический метод, автор анализирует существующую нормативно-правовую базу по искусственному интеллекту, а также актуальные доктринальные исследования, осмысливающие место искусственного интеллекта в системе права. В процессе исследования автор приходит к выводу, что искусственный интеллект не может быть отнесен ни к одной модели правосубъектности, существующей в современном российском законодательстве. Трудность определения модели правосубъектности искусственного интеллекта прежде всего связана с его промежуточным положением между режимом объекта прав и статусом субъекта прав. В этой связи автор выдвигает предположение, согласно которому

- оптимальной концепцией, позволяющей интегрировать
- особое полусубъектное положение искусственного
- интеллекта в праве, является концепция «квазисубъекта». Сложность применения этой концепции на практике
- определяется тем, что в европейской правовой традиции крайне редко встречаются примеры ее формализации. Один из таких редких примеров — это система норм
- римского права, определяющих положение раба.
- Обращение к истории римского права позволяет увидеть, что правовое положение раба практически
- определялось режимом вещного права, однако возможности использования человеческого потенциала рабов их хозяевами предопределяли появление норм (например, нормы о натуральных обязательствах), которые обходили указанные ограничения и признавали за рабом
- возможность быть стороной обязательств, в некоторых случаях нести ответственность и создавать благоприятные правовые последствия для своих господ. В связи с этим автор делает вывод, что древнеримская правовая конструкция раба может быть использована для формализации регулирования правового положения искусственного интеллекта как явления, обладающего в некоторой степени правосубъектностью. Такой искусственный интеллект может создавать благоприятные правовые последствия для его пользователей или владельцев.
-
- **Ключевые слова:** правосубъектность, искусственный интеллект, квазисубъект, римское право, рабство

Для цитирования: Рыбин А.И. Правосубъектность искусственного интеллекта в свете концепций римского права // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 54, № 3. С. 76–91; DOI: 10.17323/tis.2025.27967

Aleksandr I. RYBIN

National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia,
al.rybin1@mail.ru,
ORCID: 0009-0007-4735-9087

Information about the author

A.I. Rybin — postgraduate student at the Department of Theory of Law and Comparative Law, Faculty of Law of National Research University Higher School of Economics

Abstract. The article analyzes the problem of the legal personhood of artificial intelligence in the light of its reflection in the legal field. Applying the formal legal method, the author analyzes the existing regulatory framework on artificial intelligence, as well as current doctrinal research that comprehends the place of artificial intelligence in the legal system. In the course of the research, the author concludes that artificial intelligence cannot be attributed to any model of legal personhood existing in modern Russian legislation. The difficulty of defining the model of legal personhood of artificial intelligence is primarily related to its intermediate position between the regime of the object of rights and the status of the subject of rights. In this regard, the author suggests that the optimal concept for integrating the special semi-subjective position of artificial intelligence in law is the concept of a “quasi-object”. The difficulty of applying this concept in practice is determined by the fact that examples of its formalization are extremely rare in the European legal tradition. One such rare example is the system of Roman law that defines the position of a slave. An appeal to the history of Roman law allows us to see that the legal status of a slave was practically determined by the regime of property law, however, the possibility of using the human potential of slaves by their s predetermined the emergence of norms (such as norms on natural obligations) that circumvented these restrictions and recognized the possibility for a slave to be a party to obligations, in some cases to bear responsibility and create favorable legal consequences for their masters. In this regard, the author concludes that the ancient Roman construction of a slave can be used to formalize the regulation of the legal status of artificial intelligence as a phenomenon with some degree of legal personhood. Such artificial intelligence can create favorable legal consequences for its users or owners.

- **Keywords:** legal personhood, artificial intelligence, quasi-subject, Roman law, slavery
- **For citation:** Rybin A.I. Legal Personhood of Artificial Intelligence in the Light of the Concepts of Roman Law // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2025. Vol. 54 (3). P. 76–91;
- DOI: 10.17323/tis.2025.27967

ВВЕДЕНИЕ

В качестве предпосылки к дальнейшему рассуждению приведу расхожий (в отечественной литературе) тезис о том, что правовое регулирование ранее не существовавших общественных отношений становится необходимым в тот момент, когда такие отношения приобретают характер массовых. Примером данного тезиса является история правил дорожного движения, которые в настоящее время кажутся само собой разумеющимся явлением. Правила дорожного движения в том виде, в котором они сейчас существуют, начали оформляться только в тот момент, когда использование транспортных средств в качестве средства передвижения превратилось в обычное, рутинное занятие для человека.

Аналогичное сравнение корректно и для искусственного интеллекта (далее — ИИ). Однако если интеграция транспортных средств в общественные практики происходила в течение нескольких столетий, то развитие и внедрение ИИ происходит гораздо стремительнее. Поэтому, к сожалению, приходится констатировать, что попытки создать нормы права для взаимодействия с ИИ запаздывают, а такой закон, по выражению А.В. Наумова, действительно оказывается «всегда вчерашним» [1, с. 303].

Одной из причин того, что складывается неопределенность на уровне правового регулирования ИИ, является недостаточная доктринальная осмысленность места ИИ в системе правовых категорий. Полагаю, что указанная проблема относится ко всем сферам права, в предмет которых может попадать взаимодействие с ИИ. Так, для охранительных отраслей права приходится создавать правовые конструкции, которые позволяли бы распределять ответственность ИИ в случае правонарушений. Например, в зарубежных юрисдикциях уже довольно остро стоит проблема ответственности за вред, причиненный беспилотным транспортным средством [2, с. 44]. Для регулятивных отраслей права актуальными оказываются, к примеру, вопросы интеллектуальной собственности как на сам ИИ, так и на результаты его деятельности. Например, неясно, можно ли признать собственником ИИ, который создает изображения по описанию.

В настоящий момент указанная проблема часто решается *ad hoc* или несколько шире — для конкрет-

ной отрасли права. Например, место ИИ осмысливается в рамках права интеллектуальной собственности или уголовного права. Однако использование инструментария отдельной отрасли права представляется недостаточным для создания юридической конструкции ИИ, которая отвечала бы критерию универсальности даже для такой отрасли права. Поэтому исследование ИИ в юриспруденции с отраслевых позиций возможно. Однако, чтобы выработать целостную концепцию правосубъектности ИИ, необходимо было бы объединить все существенные положения таких отраслевых исследований. Очевидно, что в случае ошибочности или недостаточности выводов подобных исследований выстраивание целостной концепции правосубъектности было бы невозможным. В связи с этим предпочтительно обращение к теоретико-правовому юридическому инструментарию, а также к объяснительному потенциалу римского права, которое считается универсалией для европейской правовой традиции.

Для проведения собственно юридического исследования правосубъектности ИИ в российском праве, во-первых, необходимо обратиться к российской нормативно-правовой базе, в которой отражены некоторые подходы к закреплению конструкции ИИ. Поэтому для настоящего исследования используется так называемый формально-юридический метод. Во-вторых, мы также обратимся к римскому праву для выявления сходных правовых конструкций, которые являются таковыми в силу своей неоднозначности — например, правосубъектности раба. В-третьих, мы обратимся к сравнению статусов таких промежуточных субъектов в современном российском праве, как животные и недееспособные лица. Таким образом, для раскрытия описываемой проблематики будет использован интегративный подход.

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ИИ

В последние несколько лет ИИ довольно часто упоминается в нормативно-правовых актах. Признаки и понятие ИИ определяются в Национальной стратегии развития ИИ на период до 2030 года (далее — Национальная стратегия). В подп. «а» п. 5 Нацио-

нальной стратегии ИИ определяется как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека [3]. Полагаю, что данное определение стало в некотором роде «стандартом» в принимаемых после 2019 г. нормативно-правовых актах¹. Из приводимого в законодательстве определения можно выделить ряд признаков ИИ.

Родовым признаком ИИ в законодательном определении является «комплекс технологических решений». Такая формулировка весьма сходна с определениями программы для ЭВМ как «совокупности данных и команд» или базы данных как «совокупности самостоятельных материалов», которые установлены в ст. 1261 и п. 2 ст. 1260 ГК РФ соответственно [4].

С одной стороны, комплекс технологических решений и совокупность данных или команд являются явлениями равнопорядковыми, а потому закономерно было бы предположить, что ИИ должен регулироваться по аналогии — нормами права интеллектуальной собственности, как объект такого права.

С другой стороны, в законодательстве устанавливаются также характеристики, которые не позволяют однозначно отнести ИИ к категории интеллектуальной собственности. К таким характеристикам относятся «имитация когнитивных функций человека» и «сопоставимость с результатами интеллектуальной деятельности человека». Во всяком случае, положения права интеллектуальной собственности в части результатов интеллектуальной деятельности по смыслу ст. 1225 ГК РФ не охватывают конструкцию ИИ. Технически ИИ является некоторой *способностью* машин, которая достигается за счет тех же программ для ЭВМ или баз данных. Но ни к базам данных, ни к программам он не может быть редуцирован. Иными словами, в законодательстве, по сути, устанавливается отождествление когнитивных функций этой «совокупности технологических решений», что указывает на одну из характеристик субъекта права.

В общей теории права, а также в отраслях права, в которых содержатся процедуры по идентификации вменяемости, дееспособности, формы вины человека, используется классическая дихотомия интеллектуаль-

ного и волевого компонентов поведения человека. Интеллектуальный компонент состоит в способности понимать свои действия, а волевой — в способности руководить ими [5, с. 228–230]. В философско-правовом измерении указанные два компонента излагаются также в редакции вопросов «свободы воли» и «рациональности» [6, с. 4]. Таким образом, в законодательстве складывается ситуация правового регулирования объекта (комплекса технологических решений) с частичным признанием его параметров как субъекта права: интеллектуальных функций, равных человеческим, а также волевого компонента в части возможности самообучения. Однозначно это не укладывается ни в одну из категорий объектов или субъектов отраслей отечественного права.

В доктрине к аналогичным выводам приходит П.М. Морхат, который также анализирует вопрос правосубъектности юнитов («единиц») ИИ. Он отмечает, что «искусственный интеллект — это полностью или частично автономная самоорганизующаяся компьютерно-аппаратно-программная виртуальная или киберфизическая, в том числе биокibernетическая, система» [7, с. 5]. В цитируемом определении можно увидеть указание на признак автономности, который становится одним из центральных аргументов для признания правосубъектности юнитов ИИ.

Обратимся к анализу также иных определений ИИ в праве, которые даются представителями отечественной юридической науки. Одно из определений приводят И.В. Понкин и А.И. Редькина. Оно имеет свои особенности, касающиеся объема и содержания, и состоит из двух частей. В первой части указанные авторы определяют ИИ как «искусственную сложную кибернетическую компьютерно-программно-аппаратную систему (электронная, в том числе — виртуальная, электронно-механическая, био-электронно-механическая, или гибридная) с когнитивно-функциональной архитектурой и собственными или релевантно доступными (приданными) вычислительными мощностями необходимых емкостей и быстродействия» [8, с. 94–95]. Однако на этом определение не заканчивается, и далее авторы упоминают также признаки, которыми обладает ИИ, расписывая подробно каждый из них. В числе таких признаков, во-первых, свойство «субстантивности (включая определенную субъектность, в том числе как интеллектуального агента) и в целом автономности, а также элаборативной (имеющей тенденцию совершенствования) операциональности». Во-вторых, «высокоуровневые возможности воспринимать и моделировать окружающие образы и символы, отношения, процессы и обстановку (ситуацию), самореферентно принимать и реализовывать свои

¹ Идентичные формулировки содержатся также в Федеральном законе от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента...», Постановлении Правительства РФ от 23.08.2021 № 1380, Приказе Федеральной службы государственной статистики от 31 июля 2023 г. № 363.

решения, анализировать и понимать свои собственные поведение и опыт, самостоятельно моделировать и корректировать для себя алгоритмы действий, воспроизводить (эмулировать) когнитивные функции, в том числе связанные с обучением, взаимодействием с окружающим миром и самостоятельным решением проблем». В-третьих, «способности самореферентно адаптировать свое собственное поведение, автономно глубинно самообучаться (для решения задач определенного класса или более широко), осуществлять омологацию себя и своих подсистем, в том числе вырабатывать омологированные “языки” (протоколы и способы) коммуникации внутри себя и с другими искусственными интеллектами, субстантивно выполнять определенные антропоморфно-эмулирующие (конвенционально относимые к прерогативе человека (разумного существа)) когнитивные (в том числе — познавательно-аналитические и творческие, а также связанные с самоосознанием) функции, учитывать, накапливать и воспроизводить (эмулировать) опыт (в том числе — человеческий)» [8, с. 94–95].

Полагаю очевидным проблемность приведенного определения и приведу аргументы в подтверждение заявленного тезиса. Во-первых, обилие технической терминологии не позволяет полноценно сделать акцент на существенных для правового регулирования аспектах. Во-вторых, излишние повторения синонимичных признаков (субстантивность, автономность, самореферентность), которые перегружают смысловую часть определения и также препятствуют его восприятию для целей правового регулирования. В-третьих, чрезмерная объемность определения, которое, скорее, выполняет функцию описания, а не выделения необходимых существенных признаков. В данном случае автор склонен согласиться с Е.В. Евтеевой, рассматривающей ИИ с позиций права интеллектуальной собственности. Она пишет, что попытка дать детальное правовое описание искусственного интеллекта, учитывая каждый его признак, представляется неудачным решением. Так, большое количество критериев, по которым объект можно отнести к категории ИИ, делает необходимым проведение сложного сравнительного анализа, затрудняющего оперативное решение правовых вопросов. Кроме того, такое определение требует специфических знаний, которыми юристы, как правило, не обладают. Более того, с учетом стремительного развития технологий многие из предложенных авторами признаков со временем утратят свою актуальность [9, с. 98–99].

Рассматривая понятие ИИ также с позиций права интеллектуальной собственности, В.Б. Наумов и Е.В. Тытюк указывают, что под ИИ следует понимать программу (алгоритм), предназначенную для

обработки информации, способную анализировать информацию об окружающей среде, обладающую автономностью в реализации алгоритма, способную без участия человека самообучаться в процессе своего исполнения [10, с. 534]. За исключением признака способности анализировать информацию об окружающей среде, такое определение кажется достаточным и лаконичным. Однако указанный признак создает возможность отождествления с киберфизической системой (далее также — КФС). Говоря проще, в данном случае отождествляются сам ИИ как технология и носитель технологии (например, беспилотный транспорт). В целом, в контексте рассматриваемого определения корректно указать на возникающую в некоторых исследованиях проблему ложного отождествления понятий, например понятий «робот», «киберфизическая система» с понятием ИИ.

С одной стороны, КФС семантически не сводится к понятию ИИ, и на этом основании вопрос об их соотношении исчерпывается. С другой стороны, в анализируемой здесь юридической литературе понятие КФС в разных формах иногда заменяет или дополняет понятие ИИ. Например, В.А. Лаптев пишет о киберфизических правоотношениях, киберфизической ответственности и киберфизическом праве, хотя понятия КФС и ИИ он различает [11, с. 94].

Вместе с тем пересечение понятий КФС и ИИ связано с тем, что функционирование ИИ вне рамок КФС или ЭВМ не представляется возможным. Так, А.В. Лаптев пишет: «В ближайшем будущем искусственный интеллект будет существовать в отрыве от конкретных роботов или ЭВМ, например в виртуальном “облачном” мире, передвигаясь по телекоммуникационной сети Интернет» [11, с. 85]. Несмотря на то что смешение нетождественных понятий КФС и ИИ в юридической литературе не вполне корректно, оно позволяет проблематизировать постановку вопроса о правосубъектности ИИ в целом. Верным представляется разделение ИИ и любых сходных технологических решений, как, например, это делает В.А. Мищук [12, с. 33].

В отношении определений, используемых в настоящее время в юридической литературе, представляется справедливым замечание И.Н. Тарасова, что существенным недостатком этих определений является «сугубо неюридический (технический) характер всех атрибутов, перечисленных в определениях». Это, по его мнению, приводит к тому, что определения не меняют картины юридического восприятия ИИ, не отражают природы и сущности ИИ с точки зрения науки права [13, с. 125].

Зарубежный опыт регулирования данной сферы также не содержит однозначного подхода к опреде-

лению понятия ИИ. Например, ИИ в США определяется в Законе «О национальной инициативе в области искусственного интеллекта» 2020 г. (Artificial Intelligence Initiative Act) как машинная система, которая может для заданного набора определенных человеком целей делать прогнозы, рекомендации или решения, влияющие на реальную или виртуальную среду [14]. В Регламенте Европейского Союза об искусственном интеллекте № 2024/1689 от 13 июня 2024 г. не дается определение самому ИИ, вместо этого основным понятием, используемым в нем, становится «система ИИ». Тем не менее составители Регламента не дают четкого определения этому понятию. Как указано в п. 12 преамбулы к Регламенту, определение «системы ИИ» должно основываться на ключевых характеристиках систем ИИ, которые отличают его от более простых традиционных систем ПО или подходов к программированию, а также не должно охватывать системы, основанные на правилах, определенных исключительно физическими лицами для автоматического выполнения операций. Ключевой характеристикой систем ИИ является их способность делать выводы [15].

Таким образом, если редуцировать и сопоставить рассматриваемые определения, наиболее часто встречаемым признаком является признак автономности ИИ. Однако даже выводимый в законодательстве и доктрине признак автономности, к которому апеллируют как к аргументу «за» правосубъектность юнитов ИИ, не является необходимым критерием. Рассуждая от обратного, мы убедимся, что отсутствие автономности не лишает правосубъектности ее носителя. Например, признанный недееспособным гражданин, полностью зависящий от своего опекуна, не прекращает быть субъектом права. Для разрешения противоречий, которые обнаруживаются в контексте статуса ИИ, целесообразно обратиться к понятийному аппарату римского права, которое стало прообразом появившейся в XIX в. теории права как науки об универсальных правовых категориях.

О ДРЕВНЕРИМСКОМ ПОНЯТИИ «PERSONA» ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ИИ

Концептом, который стал прототипом для появившейся в XIX в. теоретико-правовой фигуры субъекта права, а также предопределил цивилистическое понятие «лицо», являлся концепт «persona». Буквально с латинского языка данное понятие переводится как «театральная маска» [16, с. 252]. Иными словами, понятие «persona» изначально не служило только для описания правового состояния человека. В нем изначально заложена возможность квалифицировать

в качестве «персоны» ряд различных акторов в праве. Этим образный ряд понятий римского права не исчерпывался. Так, римскому праву также известно понятие «caput», которое буквально переводится как «голова» и связано с правоспособностью римских граждан. Обратным процессом является процедура «capitis deminutio», процедура «умаления правоспособности», буквально — процедура, когда человек в юридическом смысле становился «на голову ниже» [17, с. 180].

Последствием наиболее серьезной формы умаления правоспособности (capitis deminutio maxima) является утрата статуса свободного человека, то есть переход в статус раба. Вместе с тем известно изречение Ульпиана о том, что к правовому положению раба применяются нормы о манципируемых вещах [17, с. 181]. Однако в этой части можно усмотреть некоторое противоречие между разными источниками. Такое положение раба опровергается в п. 9 книги первой «Институций» Гая, где указано, что основная классификация лиц (persona) состоит в различении людей как свободных и рабов (servi) [18, с. 19]. Иными словами, Гай утверждает, что «персона» признается в той же степени за рабом, сколь и за свободным. И на основании этого появляются основания утверждать, что, если раб может квалифицироваться как «персона» даже с учетом максимального поражения в правах, логика римского права позволяет подразумевать за ним и некоторые правомочия.

ПРОМЕЖУТОЧНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАБА В РИМСКОМ ПРАВЕ

Следуя логике И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского, такое положение раба как «вещи» было невыгодным даже самим рабовладельцам, которые оказывались ограниченными в использовании физического и интеллектуального потенциала своих рабов, не способных полноценно вступать в правоотношения от их имени и реализовывать их правосубъектность. Поэтому существовало множество правовых форм, которые создавали условия для обхода правового режима вещи, применяемого к рабам. Следует сказать, что как минимум во все периоды развития римского права за рабом признавался пекулий — имущество, выделяемое для управления рабом из общего имущества домовладельца. А поскольку управление имуществом невозможно без заключения сделок, раб также мог приобретать отдельные обязанности, хотя благополучателем от таких сделок выступал его господин (D. 15.1.1.6) [19].

Более того, вступление рабов в обязательственные отношения было явлением типичным, в силу чего

они были интегрированы в систему римского права в качестве категории натуральных (не защищаемых иском) обязательств. Несмотря на то что такие обязательства не были защищены иском, нельзя было требовать уплаченного по таким обязательствам обратно (D. 14.6.9.10), этот вид обязательств создавал довольно обширные возможности для рабов по расширению своей правоспособности. Так, в дигестах отражены правила, касающиеся рабов, которые управляли имением или предприятием господина, заведовали имуществом, были шкиперами на торговых кораблях и выполняли другие функции. Отличительной особенностью таких обязательств было лишь предъявление иска не к самому рабу, а к его господину, и имущественная ответственность по обязательствам господина за действия раба была ограничена размером предоставленного ему пекулия. В классический период уже была разработана система таких исков из действий рабов в хозяйственной деятельности [17, с. 128–129, 297]. Как указывается в отрывке 14 титула седьмого книги сорок четвертой «Дигестов Юстиниана», «из контрактов в соответствии с гражданским правом рабы не обязываются, но по натуральным обязательствам они и обязываются, и обязывают» [20].

Таким образом, несмотря на правовой режим вещи, правосубъектность рабов основывалась на греческих идеях естественного права, преобразованных римским правом в конструкцию натуральных обязательств, которые непосредственно не были защищены иском, однако обеспечивались иском к хозяину такого раба. При этом раб признавался «персоной», которая в силу своей абстрактности позволяла охватывать не только людей, но и вещи (рабов). Это положение раба между лицом и вещью в римском праве весьма сходно с положением ИИ между «комплексом технологических решений» и необходимой способностью имитировать интеллектуальную деятельность человека.

МОДЕЛИ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ИИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Какой бы складной ни была римская правовая традиция, конечно, ни слова об ИИ там не было и не могло быть. Поэтому прямого ответа на вопрос о подходящем правовом положении ИИ римское право дать не может. Кроме того, даже если признать конструкции римского права подходящими, то встанет вопрос об адаптации норм римского права к отечественному законодательству. Поэтому помимо римского права необходимо рассмотреть признанные и устоявшиеся в юридической литературе модели правосубъектности, а также модели правосубъектности, предлагае-

мые для квалификации аналогичных промежуточных явлений в праве.

Обратимся к работе И.Н. Тарасова, в которой приводится классификация моделей правосубъектности ИИ. Он указывает, что в рассматриваемой юридической литературе приводятся две основные точки зрения на правосубъектность ИИ: во-первых, ИИ как юридическое лицо (точнее, некоторая фикция), во-вторых, как некоторое не подходящее под иные правовые категории «электронное лицо» [13, с. 125]. Дополним: в отношении правосубъектности ИИ также выделяется точка зрения, которая вовсе отрицает его правосубъектность и определяет его как объект права.

Представители первой точки зрения утверждают, что наиболее подходящей категорией для правового регулирования ИИ является категория юридического лица. Такой точки зрения придерживаются, например, В.В. Архипов и В.Б. Наумов [21, с. 160]. Они прибегают к конструкции юридического лица на том основании, что юридические лица также являются не чем иным, как фикцией (по крайней мере, по одной из теорий), в отличие от физических лиц. Но сходства лишь по одному критерию недостаточно, чтобы признать возможность встраивания ИИ в концепцию юридического лица в смысле ст. 48 Гражданского кодекса РФ. Однако такая модель признания правосубъектности ИИ через конструкцию «юридического лица» также является справедливой и обоснованной, если понимать «юридическое лицо» в широком смысле — как лицо, не сводимое к некой организации [22, с. 21–22].

Таким образом, сложившаяся правоприменительная практика фактически приравнивает нетипичных субъектов, включая искусственный интеллект, к юридическим лицам в части их правового статуса. Однако в отношении таких объектов, как река или текст, подобный подход носит характер исключительно юридической фикции, а не признания реальной правосубъектности. Вместе с тем модель правосубъектности, характерная для юридического лица, представляется наиболее соответствующей природе искусственного интеллекта. Аргументом в пользу рассматриваемой концепции является тот факт, что конструкция юридического лица используется в настоящее время для таких нетипичных субъектов. Например, в Новой Зеландии в 2017 г. в качестве юридического лица признали реку [23, с. 2–3].

Как отмечает Н.Е. Ладенков, подобно юридическому лицу, искусственный интеллект не существует физически в материальном мире, а его создание направлено на удовлетворение человеческих интересов, прежде всего экономических. Более того, виды

юридической ответственности, применимые к юридическим лицам, при соответствующем законодательном регулировании могут быть распространены и на искусственный интеллект, если он будет признан субъектом права. Также представляется возможным использование системы учета в отношении искусственного интеллекта по аналогии с юридическими лицами. Кроме того, Н.Е. Ладенков отмечает, что нет необходимости в принципиально новой модели правосубъектности. Поэтому он указывает, что в тех случаях, когда искусственный интеллект будет участвовать в гражданском обороте, его правовой статус будет определяться по аналогии с юридическим лицом [24, с. 19]. Тем не менее широкого принятия в юридическом сообществе эта идея не находит, напротив, она подвергается критике, как в работе И.Н. Тарасова [13, с. 125].

Более популярна концепция признания правосубъектности на основе моделирования особой конструкции, в частности конструкции «электронного лица», «электронного агента» или «робота». В рамках данной модели правосубъектности употребление используемых понятий не устоялось. Например, в работе Г.А. Гаджиева используется понятие робота-агента для технологии ИИ [25, с. 28]. В работах Е.С. Тютчевой [26, с. 50–51] и П.М. Морхата используется понятие «электронное лицо» [27, с. 274], что обусловлено также правовым регулированием Евросоюза в рамках рассматриваемой сферы и использованием понятий «Electronic Person» и «Electronic Personality» [28, с. 4–5]. В зарубежных исследованиях для определения ИИ наряду с «электронным лицом» также используется понятие «синтетические лица» (Synthetic Persons) [29, с. 273–274]. Данная позиция актуализируется также в контексте рассуждения об ИИ как о возможном акторе правосудия, особенно в свете действия альтернативных способов разрешения споров (ADR, alternative dispute resolution), работающих автономно. Например, Р. Зюскинд, обращая внимание на такие системы, указал на уже существующие основания признания правосубъектности по такой модели [30, с. 117–118]. Рассмотрев данную модель признания правосубъектности ИИ, И.А. Филипова и В.Д. Коротеев назвали ее «градиентной правосубъектностью ИИ», сославшись на выражение исследователя из Лёвенского университета Дианы Мокану [31, с. 380]. В целом, эту концепцию можно раскрыть через некоторый компромисс между правосубъектностью юридического и физического лиц за счет ограничения правоспособности [32, с. 3].

Наименее часто встречается точка зрения о том, что невозможно определить правовой статус ИИ, поскольку невозможно определиться с понятием «субъект права» как таковым.

Как указывает С.К. Степанов в духе аналитической юриспруденции, проблемой является то, что категория «субъект права» относится к числу фундаментальных правовых понятий. Если допустить, что в различных юридических контекстах данный термин может наполняться разным содержанием, возникнет сложность в разграничении его активных и пассивных элементов [33, с. 29].

Точки зрения о нецелесообразности признания правосубъектности ИИ придерживаются И.А. Филипова и В.Д. Коротеев. Тем не менее они также отмечают, что сохранять за ИИ исключительно статус объекта права в его нынешнем виде становится все менее оправданным. Оптимальным, по их мнению, решением может стать включение ИИ-систем в перечень объектов гражданских прав с одновременным разграничением их правового регулирования в зависимости от функциональных характеристик. В частности, возможно выделение особой категории — «электронного агента», который будет рассматриваться как квазисубъект права. При этом под «электронным агентом» следует понимать не только автономных физических роботов, но и виртуальные интеллектуальные системы, способные выполнять определенные юридически значимые действия [31, с. 384–385].

Представляется, что предлагаемые в специализированной литературе позиции по рассмотрению модели правосубъектности часто оказываются недостаточно аргументированными в силу того, что внимание в первую очередь обращают на возможности «вписать» эту категорию в рамки уже существующих субъектов в системах законодательства, например вписать ИИ в модель юридического лица. Это с одной стороны. С другой стороны, предпринимаются попытки создать принципиально новые категории правоправедения, которые не всегда встраиваются в отечественную юридическую традицию. Примером такой новой категории является понятие «электронное лицо». Поэтому целесообразно обратиться к классическим теоретико-правовым моделям правосубъектности и проверить возможность встроить категорию ИИ в систему существующих теоретико-правовых понятий.

Анализ современной теоретико-правовой литературы показывает, что выделяются в основном две модели правосубъектности. По первой модели правосубъектность определяется как триединство «правоспособность, дееспособность и деликтоспособность». Во второй модели для правосубъектности достаточно лишь способности быть субъектом прав и обязанностей [34, с. 32]. С одной стороны, первая модель представляется более обстоятельной, поскольку оперирует несколькими критериями. С дру-

гой стороны, полноценно в эту модель укладывается лишь человек как субъект права, для которого моменты правоспособности и дееспособности могут различаться. Например, для юридических лиц, которые по общему правилу приобретают правоспособность, дееспособность и деликтоспособность одновременно при регистрации и присвоении ОГРН, более репрезентативна будет вторая модель. Следует подчеркнуть, что в истории права более жизнеспособной себя показала вторая модель правосубъектности, которая в качестве необходимого свойства устанавливала лишь возможность обладать правами или обязанностями. Наиболее наглядно это выражалось в эпоху Средневековья.

В этом свете примечательна книга дореволюционного юриста Я.А. Канторовича «Процессы против животных в Средние века» [35]. В ней детально описано, как пчелы, свиньи, петухи и прочие животные оказывались подсудимыми в средневековых уголовных процессах. На первый взгляд, животные, которые оказываются признанными в качестве субъекта права, вовсе не отвечают ни интеллектуальному, ни волевому критериям, о которых шла речь выше. Не соответствие этим критериям предопределяет то, что животные не могут совершать сознательных юридически значимых действий, которые необходимы для реализации правосубъектности. А если существо не может совершать юридически значимых действий в принципе, то почему животные вообще определяются как субъекты права?

Средневековая юридическая мысль обосновывает признание за животными прав через религиозный аргумент. Так как и человек, и животное — создания Божьи, человек обязан уважать животное, а следовательно, применять процедуры, которые он применяет в отношении равных себе [35, с. 7]. Этот пример наглядно показывает, что юридические практики в целом могут функционировать и без учета сознательности или воли их субъектов, лишь внешне признавая за ними возможность вообще в каком-либо виде иметь права и обязанности. Речь идет именно об обладании правами, а не об их реализации, поскольку для реализации таких прав как раз нужны интеллектуальный и волевой компоненты.

В этой части примечательна концепция «аскриптивности» языка права, смысл которой состоит в том, что юридические высказывания не отражают действительность, а «приписывают», атрибутируют неким существующим в реальности субъектам и объектам юридические свойства [36, с. 5]. В приведенном примере с животными как сторонами уголовного процесса наиболее ярко проявляется данная механика: животным именно «приписывается» обладание

правами и обязанностями. Эти выводы подтверждаются и в сочинениях другого дореволюционного юриста — В.Н. Дурденевского. Он пишет, что в современной ему юридической мысли он встречался с тезисами о признании управомоченными даже неодушевленных существ — статуй и памятников [37, с. 80–81].

Ясность в сложившуюся путаницу вносит концепт, который предлагается В.Н. Дурденевским для описания таких пограничных правовых явлений. Он пишет, что подобные акторы в праве находятся в полусубъектном или в полуобъектном положении, и для их обозначения он вводит понятие «сокращенный субъект». Он подчеркивает, что на самом деле сокращенные субъекты существуют в современном праве сплошь и рядом. К ним относятся несовершеннолетние и недееспособные в силу состояния здоровья. К ним же он относит фигуру древнеримского раба, эмбрионов (насцитуров), а также животных [37, с. 80–81].

У современников концепция Дурденевского не получила существенной поддержки, однако спустя время к аналогичным выводам пришли следующие исследователи. Например, несколько лет назад была опубликована диссертация Е.В. Пономаревой, которая исследовала понятие «квазисубъект» в праве. Обращаясь к тем же примерам, которые описаны выше, автор пишет, что в ходе исторического развития вместе с человеком, представляющим классический образ субъекта права, появлялись пограничные явления. Эти явления в юридической литературе часто оцениваются как результат случайностей или как следствие незрелости правовой культуры предшественников. Вместе с тем такие пограничные конструкции в контексте влияния развивающихся технологий не только не утратили своего значения, но и обрели новое звучание, укрепив свои позиции в юридической мысли. Е.В. Пономарева также включила ИИ в качестве примера такого квазисубъекта в праве [38, с. 36].

Так или иначе, для интеграции таких квазисубъектов, в частности ИИ, в систему действующего права необходимо обратиться к конкретным моделям субъектов в законодательстве, известным как физические и юридические лица.

Мы установили, что в римском праве для обозначения субъектов права использовалось понятие «persona», которое не сводилось к понятию свободного человека и человека вообще. Как ни парадоксально, современные отечественные понятия «физическое лицо» и «юридическое лицо» позволяют лучше понять смысл термина «persona». Понятие «физическое лицо» буквально содержит отсылку к человеку, физически состоящему из плоти и крови. Понятие же

«юридическое лицо» в этой дихотомии не сводится к обозначению организации, хотя в гражданском законодательстве (ст. 48 ГК РФ) употребляется именно в таком значении. Широкое значение понятия «юридическое лицо» оказывается наиболее близким к древнеримскому понятию «*persona*». Это наглядно проявляется в иностранном языке. Словосочетание «юридическое лицо» с некоторой степенью условности переводится как «*legal person*». В иностранной литературе, посвященной проблемам правосубъектности, содержание понятия «*legal person*» также сводится к вопросу, кого подразумевать под «персоной»: действительного субъекта или то, что признано таковым юридическим сообществом [39, с. 195].

Тем не менее сведение всех возможных субъектов права к физическим или юридическим лицам, да и в целом к лицам («*persona*»), даже в современной отечественной системе права не вполне корректно. Так, категория «лицо» не охватывает множество правовых статусов, отсутствие которых образовывало бы очевидный пробел в праве. Примером такого статуса является статус представителя. В данном случае имеется в виду не только представитель юридических или физических лиц в смысле материального гражданского законодательства, но и представитель в процессуальных отраслях права. Представитель как в материальном, так и в процессуальном праве выступает как отдельный субъект права. Как отмечает В.А. Белов, представительство является реализацией чужой правосубъектности [40, с. 52]. Поэтому особенность представителя как субъекта прав не сводится к его собственным характеристикам, как у физического и юридического лица, а скорее, основывается на его функциональных свойствах. Другим субъектом права, связанным с представителем как субъектом права, является статус представляемого, выражающийся, например, как подопечный. Иными словами, представитель и представляемый оказываются неким третьим элементом в этой классификации возможных субъектов права, который помогает объяснить категорию квазисубъекта или «сокращенного субъекта», по В.Н. Дурденевскому, поскольку квазисубъекты вполне укладываются в конструкцию представляемого как особого субъекта права.

ПРИМЕНИМОСТЬ НОРМ О СТАТУСЕ РИМСКОГО РАБА К ИИ

Итак, хотя современное законодательство сводит всех лиц («*persona*») к физическим и юридическим, существуют также иные субъекты права, выделяемые в зависимости от их правового статуса и исполняемой функции. В контексте нашего исследования особен-

ный интерес представляют такие субъекты права, как представители и представляемые. Можно привести множество примеров конкретных представителей и представляемых из отраслей материального и процессуального права. Тем не менее, как было отмечено ранее, ИИ как технологическое явление реального мира не укладывается ни в одну из существующих конструкций субъектов права, в частности не может быть тождественным ни одной конструкции представляемых субъектов права. Вместе с тем в римском праве есть такая конструкция, а именно римский раб как субъект права. Почему раба при его формальном правовом режиме мы обозначаем как субъекта права, описано выше в контексте натуральных обязательств, в которых признавалась правосубъектность раба.

Гарольд Берман в работе «Западная традиция права: эпоха формирования» (1983) подчеркивает, что в основе единства Европы лежит общность правовой традиции, а именно объединяющее наследие римского права [41, с. 10–11]. Понимание данного феномена приводит к реальным изменениям в системе права. Во-первых, к стремлению в рамках ЕС гармонизировать, унифицировать правовые системы европейских государств, что проявилось в попытке создания Европейского гражданского кодекса [42, с. 146]. Во-вторых, к актуализации наследия римского права, которое может стать исторической основой при подборе надлежащих правовых конструкций для возникающих в общественной практике новшеств. Подтверждает этот вывод и описанное в этой статье исследование применимости норм, связанных с положением римского раба, для регулирования ИИ.

Как отмечает Талия Дейбель, в будущем юниты ИИ, вполне вероятно, смогут одновременно быть классифицированы как «*res*» (вещь) и как «*persona*» (личность) одновременно. Она указывает, что рецепция древнеримской концепции рабства отражает ее историческую преемственность в нашей правовой системе. Такая преемственность является причиной того, что римское право не только представляет интерес как артефакт истории, но и потенциально является материалом для будущего правовых отношений, поскольку его инструментарий позволяет решать проблемы сегодняшнего дня [6, с. 3].

С опорой на мнение В.Н. Дурденевского о том, что в существующем законодательстве уже предусмотрены отдельные нормы о «сокращенных субъектах», к которым он относит несовершеннолетних, способных совершать некоторые сделки и исполнять обязанности по таким сделкам, правовое регулирование ИИ может быть организовано по аналогичной модели. Необходимо подчеркнуть, что правовое регулирование ИИ невозможно организовать в рамках

модели несовершеннолетних или лишенных дееспособности граждан, поскольку такие модели все-таки предполагают их применение к физическим лицам, коим ИИ не является.

В настоящее время правовое положение ИИ становится близким положению раба или детей домовладыки. Ответственность за действия таких субъектов несет домовладыка, а ответственность за действия ИИ может нести его собственник или пользователь [43, с. 226–235]. Тем не менее, если говорить о «сокращенных» субъектах права, следует уточнить, в чью пользу сокращена правосубъектность ИИ: будет ли здесь использована конструкция законных представителей, пользователей или производителей. В вопросе о том, является ли это «сокращение» окончательным или временным (как в случае с несовершеннолетними), следует признать, что при современном уровне развития ИИ «сокращение» должно быть окончательным, а не временным. В том числе в силу аргументов о том, что «сильный» ИИ пока не изобретен и вряд ли может быть изобретен в обозримом будущем [44, с. 393–394]. А в случае появления «сильного» ИИ необходимо будет пересмотреть концепции субъекта права и юридической ответственности как таковых, поскольку в таком случае мы будем иметь дело с качественно новым явлением, а не с имитацией когнитивных функций человека, как в настоящее время.

Поэтому гораздо более эффективной представляется модель ответственности для производителя ИИ. Идея возложить на производителя ответственность за любой вред, причиненный автономной системой (если только вред не был причинен по вине жертвы, по вине третьей стороны или форс-мажорных обстоятельств), соответствует римскому пониманию *potestas* (власти домовладыки над рабом). Технология ИИ в основном контролируется производителями, а не ее пользователями, поэтому производителю легче принять заблаговременные меры для профилактики совершения противоправных действий с использованием ИИ [45, с. 40–41].

Ввиду сложности рассматриваемой технологической сферы, касающейся ИИ, следовало бы дополнить модель ответственности производителя. В процессе создания и функционирования ИИ «производитель» является понятием, скорее, абстрактным, которое может подразумевать программистов, поставщиков данных, поставщиков алгоритмов, промпт-инженеров [46, с. 93], NLP (Natural Language Processing)-специалистов [47, с. 76], а также других лиц, вовлеченных в упомянутый процесс. Это важно в контексте распределения юридической ответственности при причинении вреда или совершения правонарушений с использованием ИИ. Например, презюмирование

ответственности за обобщенным «производителем», а не за конкретным NLP-специалистом или инженером алгоритмов ИИ противоречило бы общеправовому принципу индивидуализации ответственности.

Сказанное в отношении «производителя» справедливо и в отношении фигуры «пользователей» технологии ИИ. Допуская, что отчасти действия ИИ могут контролироваться пользователями, следует разделять «пользователя» юнита ИИ, его владельца или собственника. В этом контексте актуальны примеры распределения юридической ответственности в случаях управления гражданами автомобилями, оснащенными автопилотом на основе ИИ [2, с. 44]. Если такой автомобиль будет управляться несобственником, который допустит причинение вреда другим лицам, будет ли ответственным за это собственник такого транспортного средства?

Однако решение вопроса об ответственности ИИ в пользу «производителя», равно как и «пользователя», в любом случае должно быть оформлено через конструкции «мог знать» либо «знал или должен был знать» [48], так как серьезное влияние на теоретико-правовое разрешение проблемы ответственности оказывают особенности самой технологии ИИ. Даже для разработчика предсказуемость и прозрачность его работы оказываются под вопросом, так как ИИ функционирует по принципу «черного ящика», когда известно лишь состояние данных на «входе» и на «выходе» [49, с. 157–158].

Далеко не все юристы соглашались с применимостью юридической концепции древнеримского раба к правовому регулированию ИИ. Клаус Гейне подчеркивает, что было бы необоснованно экстраполировать положения римского права для регулирования не существовавших в то время явлений. Кроме того, наблюдаются существенные различия между рабами и юнитами ИИ. Во-первых, рабы были реальными личностями, наделенными мыслительными и эмоциональными способностями, которыми не обладают объекты ИИ. Во-вторых, диапазон действий, которые могли выполнять рабы, был гораздо шире, чем те, которые система ИИ в настоящее время может выполнять автономно [50, с. 3]. Не вполне соглашаясь с данными тезисами, отмечу, что, возможно, речь идет об отсутствии так называемого эмоционального интеллекта, что, однако не устраняет признак сходства с мышлением человека. Кроме того, оспаривание диапазона выполняемых действий также представляется спорным, поскольку с учетом стремительного аккумуляции полезных навыков некоторые юниты ИИ многократно превосходят обычные человеческие навыки.

Отдельная линия критики применения правовых положений о рабах к ИИ касается этико-правовых

аспектов. Популярным аргументом против имплементации подобных норм в современном праве является указание на недопустимость объективации разумного существа. Поскольку основой самой концепции ИИ является тождественность человека и юнита ИИ, то и правовое регулирование должно осуществляться на началах равенства [51, с. 254–263]. Если довести до логического завершения данную критику, то в результате получится что-то вроде процессов Средневековья против животных. Эти процессы продолжали уголовную процедуру, несмотря на абсолютную невозможность участия в них животных. Такие ситуации доходили до абсурда, когда неявка животных в суд оспаривалась их защитником по основанию оповещения ненадлежащим образом [35, с. 22–23]. В результате образовывалась лишь имитация судебного процесса. Важно отметить, что в Средневековье такие судебные процессы могли проводиться именно на основе религиозного мировоззрения общества. В современную эпоху, характеризующуюся секуляризацией общества, возможность проведения подобных процессов в отношении ИИ представляется маловероятным событием.

ВЫВОД

В качестве вывода вернемся к постановке проблемы, которая послужила отправной точкой для нашего рассуждения. Поскольку в силу скорости развития ИИ часто правовое регулирование и даже правовая доктрина не успевают за возникающими новшествами, получается, что законы, касающиеся ИИ, всегда оказываются «вчерашними». Однако, обращаясь к наследию европейской правовой традиции, мы установили, что этот афоризм о «вчерашнем» законе применительно к определению правового положения ИИ не указывает на некие дефекты правового регулирования, но помогает определить область для поиска правовых конструкций, в которые укладывался бы ИИ. Такие правовые конструкции были найдены в римском праве.

Мы установили, что трудность определения места ИИ в системе права предопределяется его промежуточным положением между режимом объекта прав и статусом субъекта прав, поскольку, с одной стороны, он определяется как система технологических решений по модели интеллектуальной собственности, а с другой стороны, он демонстрирует интеллектуальные способности человеческого уровня.

В теоретико-правовой литературе есть общая концепция, которая охватывает такие случаи. Это концепция «сокращенного субъекта», или, по-другому, «квазисубъекта» права. Однако трудность применения этой концепции на практике определяется

тем, что в европейской правовой традиции крайне редко встречаются примеры ее формализации. Один из таких редких примеров — система норм римского права, определяющая положение раба. Обращение к истории римского права позволяет увидеть, что правовое положение раба практически определялось режимом вещного права, однако возможности использования человеческого потенциала рабов их хозяевами предопределяли появление норм (например, нормы о натуральных обязательствах), которые обходили указанные ограничения и признавали за рабом возможность быть стороной обязательств, в некоторых случаях даже нести ответственность и создавать благоприятные правовые последствия для своих господ.

Некоторые современные теоретики права считают, что древнеримская конструкция раба может быть использована для регулирования правового положения ИИ как явления, обладающего в некоторой степени правосубъектностью. Такой ИИ может создавать благоприятные правовые последствия для его пользователей или владельцев. Однако вопрос ответственности подобного «цифрового раба» остается открытым. Расходятся точки зрения по поводу пользователя как субъекта ответственности, а также по поводу создателя ИИ как лица, которое, в целом, может влиять на совершение любых значимых действий ИИ.

Среди исследователей встречаются и занимающие критические позиции, те, которые не считают корректным применение положений римского права о рабах к ИИ. Первая линия критики делает акцент на некорректности применения норм о рабах по аналогии, поскольку ИИ в те времена не существовало, а значит, при использовании аналогии мы рискуем получить некоторые пробелы или коллизии в праве. Вторая линия критики основана на этических аргументах и указывает на недопустимость установления за разумным существом (если признавать ИИ таковым) статуса раба, то есть объективировать его. Вместе с тем даже с учетом данных критических положений система правовых норм, устанавливающая статус раба в римском праве, представляется одной из наиболее подходящих для потенциального решения проблемы отсутствия правосубъектности у ИИ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций. В 3 т. Т. 1: Общая часть. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2011. 736 с.
2. Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А. Может ли робот быть субъектом права? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24–48.

3. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть 4. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 01.10.2024).
5. Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). М.: Юрлитинформ, 2007. 352 с.
6. Deibel T. Back to (for) the Future: AI and The Dualism of Persona and Res in Roman Law // *European Journal of Law and Technology*. 2021. Vol. 12. № 2. P. 1–27.
7. Морхат П.М. Правосубъектность юнитов искусственного интеллекта. Гражданско-правовое исследование. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2018. 113 с.
8. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Юридические науки»*. 2018. Т. 22. № 1. С. 91–109.
9. Евтеева Е.В. Охраноспособность объектов, созданных искусственным интеллектом: теоретическое обобщение // *Журнал Суда по интеллектуальным правам*. 2022. № 37. С. 97–110.
10. Наумов В.Б., Тытюк Е.В. К вопросу о правовом статусе «творчества» искусственного интеллекта // *Правоведение*. 2018. Т. 62, № 3. С. 531–540.
11. Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2019. № 2. С. 79–102.
12. Мищук В.А. Соотношение понятий «искусственный интеллект» и «искусственная нейронная сеть» в судебной экспертологии / *Теория и практика судебной экспертизы*. 2024. Т. 19. № 3. С. 33–46.
13. Тарасов И.Н. Проблемы правового регулирования на примере понятия «искусственный интеллект» // *Lex russica*. 2022. Т. 75. № 1. С. 122–130.
14. Страница закона «Artificial Intelligence Initiative Act» // Сайт Конгресса США. [Electronic resource]. — URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/6216> (date accessed: 31.07.2024).
15. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations // *Eur-LEX Website*. [Electronic resource]. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj> (date accessed: 20.02.2025).
16. Дождев Д.В. Римское частное право: учебник для вузов / под ред. В.С. Нерсисянца. М.: Норма, Инфра-М. 1996. 704 с.
17. Римское частное право: уч. для вузов / И.Б. Новицкий и др.; отв. ред. И.Б. Новицкий, И.С. Перетерский. М.: Юрайт, 2023. 607 с.
18. Институции Гая = *Gai Institutionum commentarii quattuor*: текст, пер. с лат., коммент. 2020 / под общ. ред. проф. Д.В. Дождева. М.: Статут. 384 с.
19. The Digest of Justinian: Book 15 // *The Latin Library*. [Electronic resource]. — URL: <https://www.thelatinlibrary.com/justinian/digest15.shtml> (date accessed: 20.06.2024).
20. The Digest of Justinian: Book 44 // *The Latin Library* [Electronic resource]. — URL: <https://www.thelatinlibrary.com/justinian/digest44.shtml> (date accessed: 20.06.2024).
21. Архипов В.В., Наумов В.Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // *Закон*. 2017. № 5. С. 157–170.
22. Попова А.В. Новые субъекты информационного общества и общества знания: к вопросу о нормативном правовом регулировании // *Журнал российского права*. 2018. № 11 (263). С. 14–24.
23. Collins T. Fluid Personality: Indigenous Rights and the «Te Awa Tupua (Whanganui River Claims Settlement) Act 2017» in Aotearoa New Zealand // *Melbourne Journal of International Law*. 2019. Vol. 20(1). P. 1–24.
24. Ладенков Н.Е. Модели наделяния искусственного интеллекта правосубъектностью // *Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2021. № 3. С. 12–20.
25. Гаджиев Г.А. Является ли робот-агент лицом? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // *Журнал российского права*. 2018. № 1 (253). С. 15–30.
26. Тютчева Е.С. Правосубъектность «электронного лица»: теоретический анализ // *Теоретическая и прикладная юриспруденция*. 2022. № 2. С. 50–58.
27. Морхат П.М. Концепт «электронного лица» в классификации субъектного состава лиц в гражданском праве // *Пермский юридический альманах*. 2019. № 2. С. 273–282.
28. Księżak P. Wojtczak S. AI versus robot: in search of a domain for the new European civil law // *Law, Innovation and Technology*. 2020. No. 12. P. 1–21.
29. Bryson J.J., Diamantis M.E., Grant T.D. Of, for, and by the People: The Legal Lacuna of Synthetic Persons // *Artificial Intelligence and Law*. 2017. Vol. 25. P. 273–291.
30. Susskind R.E. *Tomorrow's lawyers: an introduction to your future*. 2-nd edit. Oxford: Oxford University Press, 2017. 240 p.

31. Филипова И.А., Коротеев В.Д. Будущее искусственного интеллекта: объект или субъект права? // *Journal of Digital Technologies and Law* (электронный научно-практический журнал). 2023. Vol. 1. № 2. С. 359–386.
32. Мосану D.M. Gradient Legal Personhood for AI Systems-Painting Continental Legal Shapes Made to Fit Analytical Molds // *Frontiers in Robotics and AI*. 2021. Vol. 8. P. 1–11.
33. Степанов С.К. Деконструкция правосубъектности или место искусственного интеллекта в праве // *Цифровое право*. 2021. Т. 2. № 2. С. 14–30.
34. Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сб. материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / В.Ф. Яковлев, Т.Я. Хабриева, В.К. Андреев и др. ИЗИСП при Правительстве РФ. М.: Проспект, 2020. 434 с.
35. Канторович Я.А. Процессы против животных в средние века. СПб, 1898. 58 с. Входит в сборник «В застенках инквизиции. Процессы над ведьмами и животными». М.: Феникс, 2023.
36. Касаткин С.Н. Концепция «открытой текстуры» в философии и юриспруденции: Вайсман и Харт // *Вестник Самарской гуманитарной академии*. Сер.: Право. 2017. № 1-2 (19). С. 3–9.
37. Дурденевский В.Н. Субъективное право и его основное разделение: сб. Общества исторических, философских и социальных наук при Пермском университете. Пермь. 1918. Вып. 1. С. 66–101.
38. Пономарева Е.В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения: дисс. ... канд. юр. наук: 12.00.01. Екатеринбург: Уральский гос. юр. ун-т, 2019. 208 с.
39. Kurki A.J. *A Theory of Legal Personhood*. Oxford University, 2019. 202 p.
40. Богдан В.В., Телегин Р.Е., Жерелина О.Н. Делегированная правоспособность в семейных правоотношениях: частноправовые начала правового регулирования // *Пробелы в российском законодательстве*. 2018. № 5. С. 51–54.
41. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ: Изд. группа ИНФРА-М — НОРМА. 1998. 624 с.
42. Рудоквас А.Д. Неопандектистика и европейское право (Вступительное слово к дискуссии) // *Древнее право*. № 1 (15). М.: Спарк, 2005. С. 146–155.
43. Афанасьев С.Ф. К вопросу о правовой политике в сфере придания правосубъектности искусственному интеллекту // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2022. № 2. С. 226–235.
44. Серл Дж.Р. Сознание, мозг и программы // *Аналитическая философия: Становление и развитие: антология* / общ. ред. и сост. А.Ф. Грязнов. М.: Прогресс-Традиция, 1998. С. 376–400.
45. Wagner GRobot Liability // *Liability of AI and the Internet of Things, Münster Colloquia on EU Law and the Digital Economy IV*. Baden-Baden, 2019. P. 27–63.
46. Соколова М.Е. ChatGPT и промпт-инжиниринг: о перспективах внедрения генеративных нейросетей в науку // *Научоведческие исследования*. 2024. № 1. С. 92–109.
47. Зенин С.С., Кутейников Д.Л., Япрынцева И.М., Ижаев О.А. Технология обработки естественного языка (NLP) в законодательном процессе // *Вестник ЮУрГУ*. Сер.: Право. 2020. № 3. С. 76–81.
48. Титов Д.М. Концепция «знал или должен был знать» в корпоративном праве // *Акционерное общество*. 2016. № 1 (140). [Электронный ресурс]. — URL: <https://ao-journal.ru/koncepcij-%C2%ABznal-ili-dolzen-byt-znat%C2%BB-v-korporativnom-prave> (дата обращения: 01.10.2024).
49. Кузнецов А.Г. Туманности нейросетей: «Черные ящики» технологий и наглядные уроки непрозрачности алгоритмов // *Социология власти*. 2020. № 2. С. 157–182.
50. Heine K., Quintavalla A. Bridging the accountability gap of artificial intelligence — what can be learned from Roman law? // *Legal Studies*, 2023. P. 1–16.
51. Oleksiewicz I., Mustafa E.C. From Artificial Intelligence to Artificial Consciousness: Possible Legal Bases. For the Human-robot Relationships in the Future // *International Journal of Advanced Research*. 2019. Vol. 7, iss. 3. P. 254–263.

REFERENCES

1. Naumov A.V. *Rossiiskoe ugovornoe pravo: kurs lekcij: v 3 t. T. 1: Obshchaya chast'. 5-e izd., pererab. i dop.* М.: Volters Kluver, 2011. 736 s.
2. Gadzhiev G.A., Vojnikanis E.A. *Mozhet li robot byt' sub"ektom prava? (Poisk pravovykh form dlya regulirovaniya cifrovoj ekonomiki)* // *Pravo. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki*. 2018. No. 4. S. 24–48.
3. Ukaz Prezidenta RF ot 10 oktyabrya 2019 g. No. 490 "O razviii iskusstvennogo intellekta v Rossijskoj Federacii" // *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 2019. No. 41. St. 5700.
4. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii, chast' 4 [Elektronnyj resurs]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (data obrashcheniya: 01.10.2024).
5. Malinovskij A.A. *Zloupotreblenie sub"ektivnym pravom (teoretiko-pravovoe issledovanie)*. М.: Yurliinform, 2007. 352 s.

6. Deibel T. Back to (for) the Future: AI and The Dualism of Persona and Res in Roman Law // *European Journal of Law and Technology*. 2021. Vol. 12. No. 2. P. 1–27.
7. Morhat P.M. Pravosub"ektnost' yunitov iskusstvennogo intellekta. Grazhdansko-pravovoe issledovanie: monografiya. M.: YUNITI-DANA, 2018. 113 s.
8. Ponkin I.V., Red'kina A.I. Iskustvennyy intellekt s tochki zreniya prava // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Ser. "Juridicheskie nauki"*. 2018. T. 22. No. 1. S. 91–109.
9. Evteeva E.V. Ohranosposobnost' ob"ektov, sozdannyh iskusstvennym intellektom: teoreticheskoe obobshchenie // *Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam*. 2022. No 37. S. 97–110.
10. Naumov V.B., Tytjuk E.V. K voprosu o pravovom statusе «tvorchestva» iskusstvennogo intellekta // *Pravovedenie*. 2018. T. 62. No. 3. S. 531–540.
11. Laptev V.A. Ponjatie iskusstvennogo intellekta i juridicheskaja otvetstvennost' za ego rabotu // *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki*. 2019. No. 2. S. 79–102.
12. Mishhuk V.A. Sootnoshenie ponjatij "iskustvennyy intellekt" i "iskustvennaja nejronnaja set'" v sudebnoj jekspertologii // *Teoriya i praktika sudebnoj jekspertizy*. 2024. T. 19. No. 3. S. 33–46.
13. Tarasov I.N. Problemy pravovogo regulirovaniya na primere ponjatija "iskustvennyy intellekt" // *Lex russica*. 2022. T. 75. No 1. S. 122–130.
14. Stranica zakona "Artificial Intelligence Initiative Act" // Sajt Kongressa SSHA. [Electronic resource]. — URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/6216> (date accessed: 31.07.2024).
15. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations // *Eur-LEX Website*. [Electronic resource]. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj> (date accessed: 20.02.2025).
16. Dozhdev D.V. Rimskoe chastnoe pravo: uch. dlya vuzov / pod red. V.S. Nersesyanc. M.: Norma, Infra-M, 1996. 704 s.
17. Rimskoe chastnoe pravo: uch. dlya vuzov / I.B. Novickij [I dr.]; otv. reda. I.B. Novickij, I.S. Pereterskij. M.: Yurajt, 2023. 607 s.
18. Institucii Gaya = Gai Institutionum commentarii quattuor: tekst, per. s lat., komment. 2020 / pod obshch. red. prof. D.V. Dozhdeva. M.: Statut. 384 s.
19. The Digest of Justinian: Book 15 // *The Latin Library*. [Electronic resource]. — URL: <https://www.thelatinlibrary.com/justinian/digest15.shtml> (date accessed: 20.06.2024).
20. The Digest of Justinian: Book 44 // *The Latin Library [Elektronnyj resurs]*. — URL: <https://www.thelatinlibrary.com/justinian/digest44.shtml> (date accessed: 20.06.2024).
21. Arhipov V.V., Naumov V.B. O nekotoryh voprosah teoreticheskikh osnovanij razvitiya zakonodatel'stva o robototekhnike: aspekty voli i pravosub"ektnosti // *Zakon*. 2017. № 5. S. 157–170.
22. Popova A.V. Novye sub"ekty informacionnogo obshhestva i obshhestva znanija: k voprosu o normativnom pravovom regulirovanii // *Zhurnal rossijskogo prava*. 2018. No. 11 (263). S. 14–24.
23. Collins T. Fluid Personality: Indigenous Rights and the "Te Awa Tupua (Whanganui River Claims Settlement) Act 2017" in Aotearoa New Zealand // *Melbourne Journal of International Law*. 2019. Vol. 20(1). P. 1–24.
24. Ladenkov N.E. Modeli nadelenija iskusstvennogo intellekta pravosub"ektnost'ju // *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 2021. No. 3. S. 12–20.
25. Gadzhiev G.A. Javljaetsja li robot-agent licom? (poisk pravovyh form dlja regulirovaniya cifrovoj jekonomiki) // *Zhurnal rossijskogo prava*. 2018. No. 1 (253). S. 15–30.
26. Tjutcheva E.S. Pravosub"ektnost' "jelektronnogo lica": teoreticheskij analiz // *Teoreticheskaja i prikladnaja jurisprudencija*. 2022. No. 2. S. 50–58.
27. Morhat P.M. Koncept "jelektronnogo lica" v klassifikacii sub"ektnogo sostava lic v grazhdanskom prave // *Permskij juridicheskij al'manah*. 2019. No. 2. S. 273–282.
28. Księżak P., Wojtczak S. AI versus robot: in search of a domain for the new European civil law // *Law, Innovation and Technology*. 2020. No. 12. P. 1–21.
29. Bryson J.J., Diamantis M.E., Grant T.D. Of, for, and by the People: The Legal Lacuna of Synthetic Persons // *Artificial Intelligence and Law*. 2017. Vol. 25. P. 273–291.
30. Susskind R.E. Tomorrow's lawyers: an introduction to your future. 2nd edit. Oxford: Oxford University Press, 2017. 240 p.
31. Filipova I.A., Koroteev V.D. Budushhee iskusstvennogo intellekta: ob"ekt ili sub"ekt prava? // *Jelektronnyj nauchno-prakticheskij zhurnal "Journal of Digital Technologies and Law"*. 2023. Vol. 1. No. 2. S. 359–386.
32. Mocanu D.M. Gradient Legal Personhood for AI Systems-Painting Continental Legal Shapes Made to Fit Analytical Molds // *Frontiers in Robotics and AI*. 2021. Vol. No. 8. P. 1–11.
33. Stepanov S.K. Dekonstrukcija pravosub"ektnosti ili mesto iskusstvennogo intellekta v prave // *Cifrovoe pravo*. 2021. T. 2. No. 2. S. 14–30.
34. Pravosub"ektnost': obshcheteoreticheskij, otraslevoj i mezhdunarodno-pravovoj analiz: sbornik materialov k XII Ezhegodnym nauchnym chteniyam pamyati professora S.N. Bratusya / V.F. Yakovlev,

- T.Ya. Habrieva, V.K. Andreev I dr. IZISP pri Pravitel'stve RF. M.: Prospekt, 2020. 434 s.
35. Kantorovich Ya.A. Processy protiv zhivotnyh v srednie veka. SPb, 1898. 58 s.
 36. Kasatkin S.N. Konceptiya "otkrytoy tekstury" v filosofii i yurisprudencii: Vajsman i Hart // Vestnik Samarskoj gumanitarnoy akademii. Ser.: Pravo. 2017. No. 1-2 (19). S. 3–9.
 37. Durdenevskij V.N. Sub"ektivnoe pravo i ego osnovnoe razdelenie // Sb. Obshchestva istoricheskikh, filosofskikh i social'nyh nauk pri Permskom universitete. Perm'. 1918. Vyp. 1. S. 66–101.
 38. Ponomareva E.V. Sub"ekty i kvazisub"ekty prava: teoretiko-pravovye problemy razgranicheniya: diss. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01. Ekaterinburg: Ural'skij gos. yur. un-t, 2019. 208 s.
 39. Kurki A.J. A Theory of Legal Personhood. Oxford University, 2019. 202 p.
 40. Bogdan V.V., Telegin R.E., Zherelina O.N. Delegirovannaya pravospособnost' v semejnyh pravootnosheniyah: chastnopravovye nachala pravovogo regulirovaniya // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2018. No. 5. S. 51–54.
 41. Berman G. Dzh. Zapadnaya tradiciya prava: epoha formirovaniya / per. s angl. 2nd izd. M.: Izd-vo MGU: Izdatel'skaya gruppa INFRA- M —NORMA, 1998. 624 s.
 42. Rudokvas A.D. Neopandektistika i evropejskoe pravo (Vstupitel'noe slovo k diskussii) // Drevnee pravo. lvs antiqvm. No. 1 (15). M.: Spark, 2005. S. 146–155.
 43. Afanas'ev S.F. K voprosu o pravovoj politike v sfere pridaniya pravosub"ektnosti iskusstvennomu intellektu // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2022. No. 2. S. 226–235.
 44. Serl Dzh.R. Soznanie, mozg i programmy // Analiticheskaya filosofiya: Stanovlenie i razvitie: Antologiya / obshch. red. i sost. A.F. Gryaznov. M., 1998. S. 376–400.
 45. Wagner G. Robot Liability // Liability of AI and the Internet of Things, Münster Colloquia on EU Law and the Digital Economy IV. Baden-Baden, 2019. P. 27–63.
 46. Sokolova M.E. ChatGPT i Prompt-inzhiniring: o perspektivah vnedreniya generativnyh nejrosetej v nauke // Naukovedcheskie issledovaniya. 2024. No. 1. S. 92–109.
 47. Zenin S.S., Kutejnikov D.L., YAprynceva I.M., Izhaev O.A. Tekhnologiya obrabotki estestvennogo yazyka (NLP) v zakonodatel'nom processe // Vestnik YuUrGU. — Seriya: Pravo. 2020. No. 3. S. 76–81.
 48. Titov D.M. Konceptiya "znal ili dolzhen byl znat'" v korporativnom prave // Akcionernoe obshchestvo. No. 1 (140). 2016. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://ao-journal.ru/koncepcij-%C2%ABznal-ili-dolzen-byl-znat%C2%BB-v-korporativnom-prave> (date accessed: 01.10.2024).
 49. Kuznecov A.G. Tumannosti nejrosetej: "Chernye yashchiki" tekhnologii i naglyadnye uroki neprozrachnosti algoritmov // Sociologiya vlasti. 2020. No. 2. S. 157–182.
 50. Heine K., Quintavalla A. 2023. Bridging the accountability gap of artificial intelligence — what can be learned from Roman law? // Legal Studies. P. 1–16.
 51. Oleksiewicz I., Mustafa E.C. From Artificial Intelligence to Artificial Consciousness: Possible Legal Bases. For the Human-robot Relationships in the Future // International Journal of Advanced Research. 2019. Vol. 7, iss. 3. P. 254–263.